

Секция «Методология социологических исследований»

Православный храм как место социальной памяти

Лисин Александр Васильевич

Выпускник (магистр)

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

E-mail: avl13579@mail.ru

Актуальность темы. *Православный храм как место социальной памяти.* Социальная память является памятью группы, общности состоит из воспоминаний обладающих рамками времени и пространства, подчеркивающих уникальность отдельной социальной общности.

Социальная память имеет свои фигуры воспоминания - точки кристаллизации воспоминаний символы напоминания о минувшем, но не ушедшем, а застывшем где-то в глубинах общественного «бессознательного». Такие символы становятся местами исторической памяти.

Места социальной памяти - это точки кристаллизации памяти, точки консолидации исторического наследия, места возможного перехода от живой коллективной памяти к восстановленной истории. Места, где заканчивается живая память событий и начинается история дней минувших. Символические и функциональные точки, где еще живы исторические воспоминания способные, оживить старый дух минувших лет напоминающие о событиях значимых для этноса, нации, народа, социальной общности, но уже находящиеся на пути к забвению к безличной истории.

«Места памяти» - «символические объекты» связывающие воспоминания любой общности со своими «вечными» уникальными ценностями со своим «особенным» прошлым. Это точки сплетения трех аспектов: материального символического и функционального. Места памяти материальны, несут в себе функциональную нагрузку и наделены символической аурой

Степень изученности проблемы:

Православный храм как место социальной памяти до сих пор не был предметом специального исследования. Однако отдельные его аспекты нашли фрагментарное отражение:

- в работах посвященных исследованиям православной тематики,
- в научных трудах посвященных феномену исторической памяти,
- и в исследовательских работах посвященных изучению феноменов национальной идентичности и самоидентификации.

Научные и исследовательские работы, посвящённые проблемному полю исследования будут разделены согласно задачам, поставленным в диссертации и с учетом явлений и процессов, изучаемых в рамках исследовательского направления. Любой научный труд начинается с определения основных концептов исследования. Понятие исторической памяти до сих пор не является строго очерченным и общепринятым в современной гуманитарной науке. Что не мешает этому термину быть популярным в работах различных исследователей.

Базовые положения проблематики социальной памяти были заложены в работах французского социолога Мориса Хальбвакса («Социальные рамки памяти», [1] «Коллективная и историческая память» [2]). М. Хальбвакс определял коллективную память в качестве особого сегмента истории отделенного от научного исторического знания. Коллективные представления общности о прошлом являются одними из ключевых ресурсов формирования внутренней коллективной самоидентификации общности.

В общественном сознании декларируются коллективные воспоминания о прошлом общества, которые обусловлены современным состоянием социума. В своих изучениях феномена памяти М. Хальбвакс выделял два основных уровня измерения внутренней (индивидуальная человеческая память) и внешней. Внешний уровень памяти можно условно разделить на четыре области памяти: мимическую, предметную, коллективную, культурную. Основными являются последние две: коллективная и культурная (историческая) память.

Коллективные воспоминания рассматриваются Морисом Хальбваксом как социальный феномен необходимый для жизни общества, так как исполняют роль конституирующего элемента общности и является залогом её идентичности. В тоже время человеческая память индивидуальные воспоминания в большей степени зависят от социокультурных элементов, чем от индивидуальных наслоений. Историческая память — сквозным образом переходит из поколения в поколение, превращаясь в символические фигуры (места исторической памяти). К таким символам естественным образом «прирастают» воспоминания и через них история становится мифом. Сакральный характер исторической памяти в том, что она не распространяется сама по себе как коллективная память, а всегда имеет своих особых носителей — жрецов, учителей, пророков и т.д.

Социальная память создается определенной социальной группой и в ее возникновении участвуют разные факторы. К таким факторам относятся: процессы межгрупповой и межличностной коммуникации, обычаи семей, памятные традиции религиозных групп и т. д. Индивидуальная память, опирается на память коллективную, используя её для уточнения и восполнения своих воспоминаний, а коллективная память «оборачивается» вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Инструментом, с помощью которого возможно проанализировать историческую память, являются «социальные рамки памяти». Понятие, заимствованное у Эмиля Дюркгейма, М. Хальбваксом не определяется точно и имеет неоднозначный характер. Присутствует несколько трактовок «рамок памяти:

- «рамки памяти» образуются воспоминаниями индивидов и групп и становятся ориентирами в познании прошлого.

- «рамки памяти» это пространственно-временные факторы, обрамляющие формы коллективных и индивидуальных воспоминаний.

- язык «минимальная рамка» образец социального факта - нечто такое, что создано самими людьми, но никем из них не может быть изменено по своей воле.

Параллельно с М. Хальбваксом природу и функции социальных воспоминаний исследовал немецкий историк искусства Аби Варбург. В основе концепции А. Варбурга было изучение коллективной памяти через бессознательные компоненты в общественном сознании влияние бессознательных элементов на общественное сознание, на формирование исторической и культурной памяти. Важны символические места памяти, через которые можно проследить проявления исторической памяти - коллективного бессознательного. Исследования А. Варбурга, были основаны на изучении искусства и культуры, он интерпретировал произведения искусства как «изобразительные символы» культуры, созданные в «определённом кругу» и манифестирующие «свою культурную идентичность» с ним в определённую эпоху. Весь фонд изображений и жестов, которым располагают общество, а также то, как оно с этим культурным наследием управляется, и есть историческая память, а в основе области распространения этих изображений является «сообщество вспоминающих» Изучение массовой культуры, позволило А. Варбургу, выявить такие компоненты в исторической памяти, как:

- элементы воспоминания и забвения
- повторяющиеся мотивы в памяти
- места памяти (сгустки эмоций).

Психоаналитические концепты в изучение социальной памяти вводит и развивает французский мыслитель Поль Рикёр.[3] П. Рикёр одним из первых разделил историческую память на естественную и искаженную (искусственно конструируемую) память. В основе как естественной, так и искусственной исторической памяти лежит травмирующий опыт. В основе искусственно конструируемой памяти лежит опыт в виде войн, насилия, революций и т.д. Впоследствии, данный опыт легитимизируется и приводит к формированию исторической общности. Такой искусственно узаконенный опыт дает возможность «власти» манипулировать памятью в целях формирования искусственной идентичности. В результате историческая память общности становится непрочной и неустойчивой в столкновении с течением времени "с другим" и главное:

наследование основополагающего насилия ведет к накоплению обид реальных и мифических. Основным приемом для злоупотребления исторической памятью является идеология.

Естественная Память по П. Рикёру обладает нарративной функцией упорядочивания воспоминаний через обращение к травматическому опыту - долгу. В основе памяти - справедливый долг предшественникам, без которых «мы не мы», долг, который, как и наследие предков связывает будущее и прошлое. Долг не есть вина или обида долг это признание предков. Необходимо как принимать и хранить наследство, перешедшее от предков, так и «платить по счетам». Из оппозиции долг - наследие возникает проблема забвения - уклонение памяти от контроля сознания. Еще одна возможность манипулирования памятью через сознательное вычеркивание «ненужных» воспоминаний.

Проблематику травмы исторической памяти продолжает развивать И. Рюзен.[4] Концепт травмы в исторической памяти исследуется через концепт кризиса идентичности, основными видами которого являются:

- нормальный кризис, преодолеваемый приданием смысла измененному времени,
- критический кризис, приводящий к трансформации, воссоздающей действительность,
- катастрофический кризис, ведущей к разрушению идентичности, когда нет возможности безболезненно включить разрушающий элемент в систему памяти и единства идентичностей.

Происходит обновление старой идентичности путем историзации в разных видах: анонимизация, морализация, категоризация, эстетизация, метаисторическая рефлексия, телеологизация, специализация.

Цветан Тодоров, продолжая линию изучения исторической памяти посредством использования категорий психоанализа, вводит бинарную оппозицию: триумф - травма, через которую происходит упорядочивание воспоминаний об общем прошлом. Триумф - воспоминания о знаменательных событиях олицетворяющих успех, победы, достижения через такую группу воспоминаний происходит идентификация общности героев - победителей. Травма - воспоминания о тяжелых событиях создают образ общности - жертвы. И травмы и триумфы играют роль средств конституирования идентичности. Но триумф - воссоздание образа победителей через приятные коллективные воспоминания, воспоминания о травмирующем опыте вытесняются из памяти либо происходит накопление обид.

Д. Лоуэнталь,[5] исследуя историческую память в рамках психоаналитических категорий, обращается к понятию ностальгии. Лоуэнталь в основе ностальгии любого типа выводит два основных элемента: желание вернуться в прошлое и попытка трансформации чуждой окружающей действительности под привычные и близкие чувственные образы. В основе формирования ностальгий любого вида и уровня три аспекта:

- психологические мотивы,
- формы познания (включая научное познание, которое называется историей),
- формы трансформации. Каждый из трех аспектов аккуратно разложен на более частные вопросы, в свою очередь получающие ряд частных, не отменяющих друг друга ответов.

Наряду с психоаналитическим направлением в изучении исторической памяти можно выделить также направление, связанное с исследованием мнемотехнических практик, и влиянием развития социальной коммуникации на память.

Я. Ассман в работе «Культурная память...»[6] В основе формирования и изменения коллективной памяти лежит коммуникация. Смена типов коммуникации ведет к смене восприятия памяти. Память у Я. Ассмана понимается как непрерывный процесс, в котором всякая культура всякое общество или общественная группа формирует и стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Содержание памяти определяется социальными и культурными рамками. Вслед за Морисом Хальбваксом Я. Ассман выделяет четыре области коллективной памяти: мнемотическая, предметная, коммуникативная, культурная память. Основными являются два последних вида памяти:

- коммуникативная память, в основе которой лежит исторический опыт индивидов, память данного вида неформальна, естественна, возникает в процессе взаимодействия индивидов и групп. Данная память состоит из живых воспоминаний в органической памяти, имеет протяженность в 3-4 поколения (80-100 лет). В основе этого вида коллективной памяти лежат свидетельства членов сообщества объединенных общими воспоминаниями.

- культурная память, в основе этого вида коллективной памяти лежит миф первоначальная истина память, учрежденная оформленная основанная на ритуальной коммуникации и праздниках. Память, лежащая на фундаменте сложном из традиции и символического кодирования, отраженных в обрядах и ритуалах. Культурная память имеет временной порог не менее 80-100 лет. Культурной памяти необходимы специфические носители традиций: жрецы, и т.д.

Историческая память начинается в бесписьменной коммуникации. Первичные формы памяти: обряд и праздник, выполняющие функции точек разделения времени, отсылки к истокам происхождения и творения. Продолжение памяти происходит в письменной коммуникации, когда складывается помнящая культура, в основе которой мнемотопы - места памяти - священные тексты. Происходит переход от памяти об умерших к складыванию идентичности на основе памятников. Организующую работу выполняют две опции памяти:

- холодная - успокоение и заморозка изменений
- горячая - возбуждение стремление к изменениям,

В основе организации исторической и культурной памяти лежит альянс памяти и власти выраженный в ретроспективных и проспективных способах легитимации власти через

воспоминания о её происхождении и способах её увековечивания. Время делится на абсолютное и относительное. Появляется миф - историческое объяснение места в мире. Миф - истина высшего порядка, претендует на нормативность и обладает формирующей силой.

Культурная память формирует двух-временность, освобождает от повседневности. Идет переход от обряда к священному тексту. Происходит переход от естественных объединений общностей к их осмыслению и идентификации. Канон закрепляет понимание абсолютного времени, замораживает традиции, представляет поток текстов с последующим переходом канонических текстов к классике, смысл которой исчезает и воскрешается путем толкования, уходя в измененное прошлое. Прошлое разделяется на два этапа:

- бесписьменный этап - повторение и заучивание событий.
- письменный этап - фиксация и толкование.

Письмо оформляет традицию, дает возможность критики. Канон для формирования идентичности дает три фактора:

- инвариантность - священный характер текстов,
- укрощение вариативности - разумное урегулирование, позволяющее ввести инновацию.
- поляризация - заострение границы проводимой в духовной области.

Говоря о мнемотехнических практиках и влиянии коммуникации на формировании исторической памяти, интересными являются исследования Ф. Йеттс.[7] В формировании памяти используются два основных вида приемов сохранения воспоминаний: искусственные и естественные способы консервации памяти. Искусственные приемы сохранения коллективных воспоминаний формируются и развиваются по мере развития коммуникации в сообществе. Историческая память общности становится зависимой от господствующих типов коммуникации в сообществе. Ведь историческая память, формируясь через системы образов в коллективных и индивидуальных воспоминаниях, испытывает на себе также влияние и особенности техники запоминания образов, а также их передачу в пространстве и времени. Обращение к истокам мнемотехники к исследованию в первую очередь античной мнемотехнической практики, приводит к актуализации изучения мест памяти.

В русле продолжения традиций М. Хальбвакса проводит свои исследования Яэль Зерубавель,[8] сделавшая акцент на исследовании связи коммеративных действий со стремлением независимых общностей публично заявлять, о своих собственных ключевых отличиях. Историческая память и социальные воспоминания становятся частью имени сообщества коммеративные практики частью процесса самоидентификации. Являясь компонентом идентичности общности, коллективная память вкраплена в актуальную культурную ткань, посредством которой общность определяет себя в социальной среде. Важным в данном компоненте становятся коммеративные практики и формирующиеся через сообщества памяти, определяющие временные параметры и точки приближения/удаления и историческая память начинает формироваться через социализацию. Наряду с памятью Я. Зерубавель использует термин контр-память (впервые был введен М. Фуко). Я. Зерубавель определяет его как «Альтернативную повествовательную модель, прямо противоречащую общей повествовательной конструкции и существующую вопреки подавляющему превосходству последней. . .»[9]. Термин «контр-память» в силу самой своей природы - память оппозиционная враждебная господствующей коллективной памяти обладающая подрывным потенциалом».[10]

Франсуа Артог очень важное место отводит понятию наследия, семиофорам[11] - мате-

риальным следам прошлого (материальное воплощение прошлого: мощи святых, другие священные реликвии) своего рода живые образы - памятные места принадлежат прошлому, но и выполняют символические или даже священные функции (реликвии) для настоящего.

Юлия Евгеньевна Арнаутова в своих работах[12] отмечает важный момент в мемориальных практиках наличие в них социального контекста исторической памяти. В развитии исторической памяти можно выделить два направления литургическое (церковное) и родовое. Историческая память всегда привязана к социальной группе общности. Важную роль в изменении и трансформации исторической памяти играет смена состава представителей социальной общности. В исторической памяти также происходит сочетание религиозного и социального компонентов, в основе которого лежат такие элементы как: культ святых «культ мертвых» «культ великих предков» выполняющие роль символических фигур памяти. Важную роль в трансляции и сохранении этих фигур - символов играют такие процедуры как: обряды поминовения и др. Основной упор делается на литургические обряды традиции обмена даров, молитвы и другие составляющие церкви. Важными становятся исследования "мемориальных книг" (списки поминаемых на литургии) и групповой самоидентификации. Выделяется два вида *memoria*:

- Литургическая *memoria* нерасторжимость сообщества живых и мертвых.
- Групповая, историческая *memoria* как фактор консолидации при превращении приходской общины в профессиональную группу.

П. Хаттон[13] рассматривает историческую память с позиций её взаимодействия с исторической наукой в данном взаимодействии, историческая наука исполняет роль каркаса исторической памяти. Память формируется через пересечение значимых символических образов и обстоятельств их возникновения. Образы памяти условны и фрагментарны и целостность значения приобретают только в проекции к конкретным обстоятельствам. Историческая память порождает историческое знание. П. Хаттон уверен в фундаментальности интереса историков к исследованиям коллективной памяти, так как «здоровый смысл предполагает, что мы нуждаемся в прошлом и обязаны поддерживать живую связь с ним. Проблема историков в таком случае заключается в том, как отправиться на поиски утраченных традиций и как согласовать их со столь далёкими историографическими позициями».[14]

Несмотря на свою популярность, концепт памяти имеет своих критиков и наибольшей критике подвергается психоаналитическое направление в исследовании исторической памяти.

А. М. Руткевич[15] считает выдвижение понятий коллективной и исторической памяти неоправданным. В своих рассуждениях А. М. Руткевич оперирует такими фактами как личностность и индивидуальность воспоминаний. При этом вся критика А. М. Руткевича направлена на психоаналитические концепции изучения памяти. Критику психоаналитического направления в изучении исторической памяти А. М. Руткевич, начинает с разбора основных вех и понятий психоанализа, затем происходит переход к понятиям памяти и воспоминания. А. М. Руткевич правильно отмечает, что под прикрытием, концепта исторической памяти в современных гуманитарных науках написано множество популистских, политически ангажированных и всякого рода некачественных научных работ. С другой стороны смущают итоговые выводы статьи А. М. Руткевича призывающие к отказу от научности понятия исторической памяти. Все-таки при всей обоснованности критических стрел выпущенных в психоаналитические концепции изучения памяти, нет достаточных оснований для отказа от исторической памяти как объекта исторического исследования.

Тем более что в критике А. М. Руткевича были рассмотрены только психоаналитические концепции изучения коллективной памяти и то только в рамках теорий И. Рюзена. При этом даже в рамках психоаналитического направления А. М. Руткевичем рассмотрены не все подходы и теории (почти не затронуты теоретические и философские выводы П. Рикёра). Не говоря о том, что из всех исследователей памяти не входивших в психоаналитическое направление изучения исторической и культурной памяти поверхностно рассмотрен Я. Ассман. Аргумент что под прикрытием концепта исторической и социальной памяти написано немало не качественных работ. Нельзя считать аргументом потому как исходя из таких логических посылок, можно отказаться от любых концепций в современной науке, так как под прикрытием любой без исключения концепции в науке написано немало низкокачественных работ. На апелляцию к индивидуальности воспоминаний, ответил в своих трудах основатель концепта коллективной памяти М. Хальбвакс,[16] индивидуальные воспоминания об исторических явлениях зависимы от коллективных восприятий этих воспоминаний. Человеческая память изменчива как под воздействием времени, так и под воздействием коллективных влияний наши воспоминания пересекаются с другими воспоминаниями и в определенные моменты времени переходят в коллективную память.

Критику психоаналитических концепций в изучении исторической памяти вслед за А. М. Руткевичем продолжают И. М. Савельева, А. В. Полетаев.[17] Отмечая неопределенность и размытость понятия историческая память, отсутствие четких определений возможность в трактовках некоторых авторов пересечения понятия историческая память с такими терминами как социальные представления, историческое сознание, и т.д. И.М.Савельева и А.В.Полетаева («История и время»[18]): отмечают что «историческая память» может представлять собой опорные пункты массового знания о прошлом, но при этом считают возможным свести явление исторической памяти не к самостоятельному явлению, а к элементу в области социальных представлений. Концепты исторической социальной и коллективной памяти находятся в стадии осмысления и становления, но в тоже время данные теоретические конструкции не сводимы к терминам социальных представлений. Социальные представления это изменчивые явления, приходящие на короткий момент времени, и уходящие в прошлое без возможности вернуться и сохранится в памяти будущих поколений. Воспоминания в особенности, относящиеся к исторической памяти, живут в подсознании общности (конфессии, нации, этноса) пока жива общность, пока жив хотя бы один её представитель.

Л.П.Репина обращается к проблеме коллективной исторической памяти как к теоретическому ресурсу, который сулит отыскание новых способов решения проблем, классической историографии и истории. Главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а память о нём тот образ, который запечатлен у переживших его участников и современников. Понятие «память» употребляется в значении «общий опыт» пережитый людьми совместно» (речь может идти и о памяти поколений) и более широко - как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности»[19].

Концепт исторической памяти является популярным в работах современных исследователей, в рамках этого теоретического направления написано много интересным работ посвященных:

- исследованиям исторической памяти социальных групп и слоев[20]
- исследованиям исторической памяти о знаменательных событиях прошлого общества[21]
- исследованиям взаимосвязи между памятью и социальными представлениями общности[22]

- исследованиям соотношения исторической памяти и социальных институтов.[23]
- исследованиям современного состояния исторической памяти.[24]

Места социальной памяти.

П. Нора, опираясь на социологию памяти Мориса Хальбвакса, разработал методологическую программу изучения «мест памяти» «символических объектов» с которыми общность связывает свои воспоминания и ценности. П. Нора[25] вслед за М. Хальбваксом разделяет понятия: память и история. Память - живые воспоминания социальных групп история - репрезентация прошлого. Память выполняет конструктивную собирательную функцию, она способствует укреплению идентичности склеиванию отдельных воспоминаний общности, история выполняет деструктивную роль разрушение спонтанной памяти «убийство» живых воспоминаний. Наиболее важным является выделение и сохранение мест памяти - останков живой истории переходных этапов от живой спонтанной памяти к мертвой истории от жизни к смерти памяти и воспоминаний социальных групп. Для «мест памяти» характерно наличие относительно стабильного «материального» ядра, переменчивого символического значения и функциональной задачи вызывать воспоминания. Составляющие мест памяти:

- материальный компонент - места памяти материальны, осязаемы и ограничены в пространстве и времени.

- функциональная составляющая - места памяти выполняют определенные функции моста между давно минувшим и изменчивым настоящим.

- символическая аура - места памяти это всегда символы они всегда обладают значением понятным для посвященных. Это ключи к тому, что прошло, но еще живо в памяти общности.

Через сочетание этих элементов формируется возможность мест памяти оживлять коллективные воспоминания о событиях, явлениях, процессах напоминать общности, что она еще жива как общественный организм.

Одним из примеров использования концепта «мест памяти» является работа Ф.Б. Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти»[26]. «Местом памяти» выступает историческая личность (Александр Невский). И если Пьер Нора относил к «местам памяти» эмблемы памятники здания институции и девизы. То «места памяти» Ф.Б. Шенка - «пункты фиксации» или «объективированные формы» культурной памяти Я. Ассмана. «Пунктами фиксации» являются тексты, изображения, монументальные постройки. Ф. Б. Шенк упоминает тексты не как «место памяти», а как источниковую базу своего исследования, относя к источникам также изображения (иконы, плакаты и т.д.).

В исследовательское поле диссертации также входят такие понятия как: нация, национальная идентичность, национальное сознание и национализм. Поэтому в историографический обзор были включены исследовательские посвященные анализу и изучению этих терминов и понятий.

Бенедикт Андерсон[27] ввел в научный оборот концепт - «воображаемых сообществ». В основе существования «воображаемых сообществ» наличие у членов такого типа сообщества, ментального образа сходства. Одним из основных видов «воображаемых сообществ» является нация. Нация - социально-сконструированное сообщество воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть. Нация - воображенное суверенное и в тоже время ограниченное политическое сообщество. Нация как сообщество воображаема - члены любой нации никогда не смогут знать всех своих собратьев по нации никогда не смогут

встретиться с ними и в большинстве случаев никогда о них не услышат. При этом в сознании каждого из членов нации живет образ их общности их сходства через: общий язык, общую историю, общую историческую память, через общие символы, знаковые события и прочее. Нация всегда ограничена как сообщество в том, что она всегда подразумевает существование других наций и противопоставлена другим нациям. Каждая нация стремится к суверенности, что выражено в вечном стремлении к суверенному государству. В сознании нации всегда живет понимание горизонтального товарищества - братства. В основе возникновения наций стало изменившееся восприятие времени и появления печатного капитализма. Формирование наций современного типа начинается в конце XVIII - в начале XIX века. По мнению Эрика Хобсбаума[28] именно в этот период времени происходит процесс формирования нации как политического языкового и культурного сообщества. Феномен этнической самоидентификации начинает складываться на рубеже веков (XVIII - XIX). Основу этнической идентификации составили религиозные языковые и расовые факторы. Но все перечисленные факторы, по мнению Эрика Хобсбаума, малодейственные без феномена национализма (единства: нация - народ - государство). Национализм как феномен появляется вначале XIX в.

С другой стороны элементы нации и проявления национализма были свойственны не только в последние два века. Как считает Энтони Смит «нации и национализм всегда существовали в исторических хрониках...[29] Союзы, которые мы называем нациями и чувства которые мы называем национализмом встречаются во все исторические периоды, даже если мы маскируем этот факт, используя для обозначения аналогичных феноменов другие термины. В основе националистических чувств осознание общего ядра - этничности/этнуса, связь между этносом и нацией выражается через историко-логические и структурно-содержательные компоненты.[30] Признавая этнические корни и этнические ядра, приходится признать и существование националистических чувств в досовременную эпоху пусть и имеющие другие наименования: культурная и религиозная исключительность, династическая лояльность, государственный патриотизм и т.д., их природа очевидно родственна современному национализму.[31] Это означает что союзы и чувства, встречающиеся в современном мире, представляют собой более масштабные и более эффективные версии простых союзов и простых чувств которые можно проследить в гораздо более ранние периоды человеческой истории.[32] Данные характеристики человеческих существ их тяга к родству и принадлежности группе их потребность в культурном символизме (...) вечны.[33] Мы должны ожидать, что нации и национализм вечны.

Эрик Геллнер[34] предлагает понимать нацию как сочетание сопричастности и солидарности, общего наследия и добровольных идентификаций, свободного выбора и разделяемого противопоставления. Национализм - политический принцип, требующий совпадения политических и национальных единиц. Национализм - исторический феномен, на котором строится система национальных отношений современной цивилизации. Национализм, особое историческое состояние, соответствующее периоду активной индустриализации. Национализм — движение больших городов в сельской местности, где национальная культура воспроизводится повседневностью, для него нет почвы и простора. Национальное "пробуждение": массы крайне болезненно ощущают несоответствие между возможностями и состоянием своей национальной культуры, обеспеченностью ее средствами политической власти. Именно в этот момент национализм особенно чувствителен, агрессивен.

Русский национализм.

Большинство работ фокусируются на отдельных конкретно-исторических проявлениях русского национализма, не охватывая его в целом. Популярным объектом исследований

оказалась «черная сотня», наиболее интересными являются работы: С. Степанова[35] и монография Ю. Кирьянова.[36]

Определенный интерес представляет коллективный труд[37] А. М. Верховского, Е.В.Михайловской, В. В. Прибыловского посвященный проблемам русского национализма. В этом труде собраны сведения обо всех известных «псевдонационалистических» организациях в России выделены наиболее радикальные группы, а также сделана попытка рассмотреть основные факторы возникновения и становления ультраправых движений в России.

Обобщающего труда о русском национализме российскими учеными до сих пор не создано. Методологически целостное и хронологически последовательное изложение его истории можно обнаружить только в монографии американского ученого Уолтера Лакера[38] и в серии работ советского эмигранта в США Александра Янова.[39] Общей для обоих авторов является презумпция негативного восприятия русского национализма с подпиткой западнцентристского взгляда на русскую историю.

А. Янов[40] критически рассматривает явление национализма, пытается изучить русский национализм, через призму исторического времени начиная с официальной народности Уварова и заканчивая началом XX века. А. Янов выделяет фазы национализма (начальную переходную и стадию «дикого национализма»). В целом же А. Янов считает национализм отрицательным явлением в жизни любого общества.

Очень часто национализм совмещают с проявлениями ксенофобии эти феномены, связаны эмпирически, но все, же являются разными явлениями и процессами. Примером смешения явлений национализма и ксенофобии можно назвать монографию Н.А. Митрохина «Русская партия».[41] К национализму Н. А. Митрохин относит:

«1. людей, ощущающих себя русскими, вне зависимости от того, к какому этносу (народу) относили себя их предки;

2. людей, выразивших негативное отношение к людям другой этнической принадлежности...;

3. людей, действующих по собственной инициативе...».[42]

В данном ключе действует также А. М. Верховский, который в своих работах посвященных «православному национализму» также оперирует концептами ксенофобии и этноцентризма.

Тем самым в данных работах происходит подмена понятий и весь русский и православный национализм, по сути, сводится к стремлению к двухпартийности: национализм - власть; антилиберализму, православному монархизму, антивестернизму, антисемитизму, миллениаризму и фундаментализму.

Определенный интерес вызывает обзорная статья Татьяны и Валерия Соловей: «К пониманию русского национализма». В этой статье рассматриваются различные подходы к пониманию явления национализм, восприятие национализма в России. В основе работы лежит конвенциональное определение национализма как политической идеологии, в центре которой находится «нация». Нация выступает «источником суверенитета, объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти»[43]. Нация поднимается выше всех других форм групповой солидарности и выше всех иных принципов политической легитимности - монархического, классового и религиозного.

Итоги историографического обзора.

Историческая память это непрерывный процесс, проходящий внутри конкретной общности перетекающий из поколения в поколение через определенные символические «фигуры» (места памяти) посредством особых носителей памяти. Главной функцией исторической памяти является формирование и стабилизация идентичности социальной макрогруппы посредством реконструкции прошлого данного сообщества.

Нация в контексте данного исследования будет пониматься как: социально-сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть и осознающих общность по отношению друг к другу. Отличительными чертами данного сообщества являются ограниченность, специфичность и суверенность. Специфичность нации выражена в феномене противопоставления нации «другим».

И последним теоретическим моментом исследования является православный храм.

Храм - здание, предназначенное для совершения в нем литургии и общественной молитвы, особо устроенное - имеющее престол и освященное архиереем. Храм делится на три части: алтарь, среднюю часть храма и притвор. В алтаре находятся жертвенник и престол. От средней части храма алтарь отделен иконостасом. Со стороны средней части перед иконостасом находится солея с амвоном и клиросами. В архиерейских соборах в середине средней части храма ставится архиерейский амвон с кафедрой. Многие храмы имеют колокольню или звонницы с колоколами для созыва верующих на богослужения. Крыша храма увенчивается куполом с крестом. Храм освящается во имя праздника или к.л. святого, день памяти которого является храмовым, или престольным, праздником.

Православные храмы являются объектами материального мира, они осязаемы, рукотворны и пространственно-ограничены.

Обладают функциональной нагрузкой и наделены символической аурой.

Символический компонент выражен в их внешнем облике, в иконах, которые в них находятся, в названии и истории их происхождения и существования.

Их функциональная составляющая нередко переплетается с их символической аурой, и осуществляется через возможность вызывать воспоминания о славном прошлом сообщества через название храмов и связанные с ними истории, легенды и предания.

В рамках данного исследования православный храм выступает как место исторической памяти в двух аспектах:

- Православный храм - место памяти православных верующих (место памяти элементарной формы религиозного самосознания).

- Православный храм - как элемент формирования национального самосознания. Православный храм, в данном случае выполняет функции «по оживлению» национальной исторической памяти, исполняя роль кирпичика в фундаменте национальной идентичности.

Соответственно **объектом** данной работы, выступают Православные храмы.

Предмет: Православный храм как место социальной памяти.

Цель: Исследовать способность православного храма выполнять функции мест социальной памяти разных социальных общностей.

Задачи:

1. Выявить возможность православного храма быть местом социальной памяти.
2. Выделить основные элементы храма как места социальной памяти.

3. Определить особенности православного храма как места социальной памяти православных верующих.

4. Выявить особенности православного храма как места социальной памяти и составляющей национальной идентичности.

Основная гипотеза данного исследования: православные храмы являются местами памяти трех крупных социальных общностей.

• Православный храм является 1 из точек сакрализации памяти православных верующих как социальной общности.

• Храмы как исторические, архитектурные, символические элементы являются точками кристаллизации восстановления и укрепления национальной идентичности.

Методология и методика исследования

В основе методологии данной работы лежат системность и комплексность междисциплинарных методов. Данное исследование выполнено на стыке истории и социологии. Что во многом связано с особенностью объекта данного исследования лежащего на границе теоретико-методологических областей различных наук. В ходе данного исследования использовались сравнительно-исторический метод и метод обобщений. А также при соблюдении принципов историзма и сохранения историчности взгляда на проблематику работы были использованы социологические методики для выявления и решения исследовательских задач диссертации.

Основным прикладным методом исследования является контент-анализ[44]. Важными качествами данного метода являются его формализованность, систематичность и строгость. Контент-анализ как основной прикладной метод диссертации выбран потому что:

- Классический анализ текста позволит нам выявить основные компоненты исторической памяти православной конфессии, но не позволит напрямую отобразить представленность данных категорий в храме как месте исторической памяти.

- Опрос и ему подобные методики в лучшем случае подойдут для выявления знаний верующих о различных элементах проявления исторической памяти, но не отобразят способности храма быть местом памяти.

- Наблюдение и схожие с ним методики позволят охватить лишь очень малую часть православных храмов, да этого может быть достаточно для фиксации основных обрядов, православных таинств и т.д. Но недостаточно для полноценного определения православного храма как места исторической памяти.

Если же говорить об иных прикладных методиках исследования, то они, либо не позволят отобразить представленность проявлений исторической памяти в храме как месте исторической памяти, либо не позволят охватить все многообразие храмов и географическую представленность всех православных церквей.

Поэтому в основе исследования данной работе будет использован количественный контент-анализ[45], дополненный элементами качественного анализа текста.

Православные храмы рассматриваются с двух сторон:

- как места памяти религиозной общности

- как места памяти национального сообщества.

Православное сообщество имеет свои способы трансляции коллективных исторических воспоминаний: обряды, службы, таинства, поминовение святых, икон, знаковых событий.

Эти способы - каналы трансляции имеют свои символические точки (места памяти). Основными местами коллективных воспоминаний являются православные храмы. Православные храмы являются основными пунктами консолидации общественных воспоминаний, исполняя роль хранилищ воспоминаний, элементов общей памяти (иконы, священные книги и т.д.).

Историческая память православных верующих представляет собой совокупность воспоминаний об основных моментах истории сообщества. Данный комплекс воспоминаний содержит информацию:

- о рождении веры
- о тех, кто стоял у её истоков (пророках, апостолах и евангелистах)
- о героях сообщества (святых и мучениках)
- об основных событиях и отличительных чертах сообщества
- о «чудесном» и возвышенном в истории сообщества
- о правилах «жизни» членов сообщества
- о начале и конце истории мира в понимании сообщества

Места памяти православных верующих это символические точки консолидации сакральной информации о прошлом сообщества.

Компоненты, через которые проявляется историческая память православных верующих:

- Это обряды и традиции (церковные службы, священнодействия (таинства), формы празднования и т.д.)
- Особые дни, праздники и событийные моменты.
- Священные предметы (мощи, иконы, др.)
- Герои сообщества - (святые, мученики, пророки, апостолы, евангелисты)
- Каноны, священные тексты.

Следующим моментом является отражение этих компонентов в православном храме:

Ø Обряды и традиции: православный храм является местом проведения церковных служб[46], в храме происходит получение «божественной благодати» посредством выполнения священнодействий (таинств[47]). В храме осуществляется или начинается ряд иных обрядов (крестных ход; земные, поясные поклоны; крестные знамена и т.д.).

Ø Особые дни, праздники, событийные моменты - две формы воспоминания: первое это совершение в храмах по особым дням, в честь праздников и особых событий торжественных богослужений, по ходу которых памятные даты и дни отмечаются как в форме празднования, так и в проповедях священнослужителей в конце службы. Второе название храмов в честь знаковых событий в прошлом сообщества.

Ø Священные предметы и символы: иконы, реликвии, алтари, крест, распятие и другие священные предметы церкви. Эти символы наполняют храм, начиная от его внешнего облика (купол с крестом) до его внутреннего убранства и предметов, используемых при выполнении богослужений, все это дополняет способность православных храмов как места памяти.

Ø «Герои сообщества» - Культ святых, пророков, апостолов, евангелистов, му-

чеников, отражается в нескольких формах воспоминания. Поминание имен «святых» в молитвах и службах. В богослужениях посвященным святым, мученикам, пророкам и апостолам, в праздновании дней посвященных «святым», воспоминании о них на проповедях.

• Каноны, священные тексты проявляются, в православны храмах через:

• священных текстов во время службы.

• Песнопения

• Иные формы проявления. . .

Из этих категорий исследования необходимо выделить адекватные категории контент-анализа.

Обряды и традиции: представляют немаловажную роль в сохранении и трансляции исторической памяти сообщества. Таинства отражают многие сакральные моменты памяти верующих (например, причастие напоминает верующим о тайной вечере, о последней беседе Иисуса Христа с апостолами. . .) богослужения и другие обряды церкви напоминают нам о конкретных сакральных моментах исторической памяти православных верующих. Но эта категория имеет определенные недостатки для использования её в контент-анализе.

Во-первых, таинства, богослужения, крестные ходы, постоянные ритуалы (поясные поклоны, крестные знамения и т.д.) совершаются постоянно и во всех храмах (богослужения за исключением литургий совершаются с разной степенью регулярности). Во-вторых, по сути своей они повторяются в каждом храме в плане формы и содержания, в случае же незначительных различий в содержании и формы, для выявления этих различий контент-анализ применять нецелесообразно.

Остальные категории исследования в той или иной степени идеально подходят для использования в контент-анализе.

В категории анализа попадают:

• особые дни и памятные даты.

• Почитание святых, пророков, мучеников, апостолов, евангелистов.

• Экспериментальная категория: священные тексты.

• Дополнительная категория иконы.

Уточнение категорий анализа. Первая категория анализа, отражающая особые дни и памятные даты, включает только упоминания об особых дня и праздниках посвященным знаковым событиям для православных верующих, в эту группу событий также будут отнесены праздники, связанные с жизнеописаниями Иисуса Христа. Но не будут включены особые дни и праздники, посвященные святым, пророкам, мученикам, апостолам и евангелистам, данные формы воспоминания будут отнесены к следующей категории «Герои сообщества».

«Герои сообщества» - почитание святых, пророков, мучеников, апостолов, евангелистов. Включает в себя упоминание имен «святых» [48], посвященным им дней, праздников, икон, их деяний и заслуг.

Экспериментальная категория: священные тексты, включает в себя упоминание названий священных текстов.

Дополнительная категория иконы будут рассмотрены только иконы изображающие

Троицу, Иисуса Христа. Упоминание икон посвященных «святым» будет анализироваться в категории почитание святых, пророков, мучеников, апостолов, евангелистов.

Также Дополнительно будут введены такие категории - анализа как:

- Упоминание Господа Бога: Господь, Бог, Троица, не привязанные к упоминанию икон, данные компоненты исторической памяти верующих необходимы для выделения сакрально-трансцендентного неизменного ядра памяти православных верующих. Эти составляющие коллективных воспоминаний православного сообщества, необходимы для выявления и уточнения сакральных составляющих памяти православных верующих.

- Упоминание сверхъестественных существ: Ангелов, Архангелов и др.

Полученные категории анализа будут переведены в единицы анализа и войдут в классификатор контент-анализа, который будет представлен непосредственно в тексте первой главы.

Второй стороной православных храмов рассматриваемой в рамках диссертации выступает способность храмов исполнять функции мест памяти национального сообщества.

Православный храм как место «национальной исторической памяти». Элементы национальной исторической памяти, затрагиваемые в исследовании:

- особые дни, праздники и событийные моменты.

- «герои сообщества» - национальные герои, святые, покровители, герои-святые.

- легенды и предания

Возможно, существуют и некоторые другие компоненты «национальной исторической памяти» но в рамках диссертации будут использоваться только выбранные параметры. Именно эти категории наиболее полно можно отобразить в православных храмах как местах «национальной исторической памяти».

Следующим моментом является отражение этих компонентов в православном храме:

Ø Особые дни, праздники, событийные моменты: данные компоненты проявляются в православных храмах через такие форматы воспоминания: упоминание в проповедях, в богослужениях и иных материалах храмов.

Ø Национальные герои, святые, покровители данный компонент отражен в нескольких формах воспоминания: это поминание имен «героям-святым» в молитвах и службах. В богослужениях посвященным «героям-святым». Также компонент отражен в названии храмов, в историях и легендах их возникновения и существования.

Ø Наличие в историях посвященных возникновению и существованию православных храмов знаковых для исторической памяти нации легенд и преданий.

категории исследования:

1. Особые дни и памятные даты.

2. Почитание героев - святых, покровителей.

3. Дополнительная категория иконы с образами Богородицы, Спаса

Так легенды или предания во многом описывают либо определенные конкретные знаковые события для общества либо деяния героев сообщества то для исключения пересечения категорий - анализа предания и легенды войдут в первые две категории.

Также добавлена дополнительная категория анализа: иконы с образами Богородицы и

Спаса.

Полученные категории анализа будут переведены в единицы анализа, которые войдут в основу классификатора контент-анализа.

Источниковая база исследования.

Основной блок включает в себя материалы Интернет-ресурсов и делится на две типовые группы источников:

• материалы и архивы сайтов православных храмов. Эта группа источников разбивалась на две части соответственно количеству глав диссертации.

Для выявления проявлений исторической памяти православных верующих основным источником для анализа являются материалы и архивы сайтов православных храмов. Существует:

- 1645 сайтов Российских храмов,
- 315 сайтов храмов Ближнего Зарубежья
- 162 сайта храмов Дальнего Зарубежья.

Несравненным плюсом все этих сайтов является наличие русскоязычной версии у каждого из них, которая отображает основные моменты необходимые для исследования: Название храма, информацию о храме, службах и особых днях, богослужениях, а также наличие истории возникновения и развития каждого из представленных храмов. При этом необходимо отметить, что для выявления основных составляющих православного храма как места исторической памяти не имеет практического смысла, проводит контент-анализ всего массива информации. Для выявления необходимых исследованию результатов достаточно провести выборочное обследование генеральной совокупности.

В итоге отобрано 269 сайтов православных храмов. При отборе использовалась случайная систематическая стратифицированная непропорциональная выборка.

Весь массив источников был разбит по географическому принципу сайты: Российских храмов (1645), храмов Ближнего Зарубежья (315) и храмов Дальнего Зарубежья (162).

Внутри каждой группы были случайным образом отобрано определенное количество источников. Систематичность выборки заключалось в использовании при отборе шага выборки. Так из числа сайтов российских храмов был выбран каждый десятый сайт. Из числа сайтов храмов Ближнего Зарубежья каждый пятый. Из числа сайтов храмов Дальнего Зарубежья был выбран каждый четвертый.

Стратифицированность выборки была выражена в географическом группировании по степени удаленности храмов. Непропорциональность выборки обусловлена необходимостью обеспечения географической представленности храмов ближнего и дальнего Зарубежья и в связи с их меньшей доступностью по сравнению с российскими храмами. Также среди российских храмов был выполнен принцип представленности всех епархий РПЦ, то есть хотя бы один храм от каждой епархии.

Полный список епархий православной церкви и отобранных для контент-анализа сайтов представлен в приложении к диссертации.

Для выявления проявлений «национальной исторической памяти» основным источником для анализа являются материалы и архивы сайтов русских православных храмов. Всего 1645 сайтов Российских храмов. Для выявления основных составляющих православного храма как места исторической памяти, не имеет практического смысла, прово-

дит контент-анализ всего массива информации. Из общего числа сайтов было отобрано 172 сайта русских православных храмов. При отборе использовалась случайная систематическая выборка.

Дополнительно для выявления способности православных храмов выполнять функции мест памяти православных верующих будут использованы материалы и архивы интернет-издания - Православие. Ру, которое является крупнейшим православным интернет - изданием, в нем наи­более полно отражены основные направления в жизни и развитии православия в России, **как и** ежедневные периодические издания, оно наи­более полно освещает хронологию событий в православном мире. Анализ данного массива источников позволит выявить основные компоненты православного храма как места исторической памяти.

[1] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М., 2007.М.

[2] М. Хальбвакс. Коллективная и историческая память. // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3 (40-41)

[3] Рикёр П. История и истина. /span- СПб, 2002 г.

[4] Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. - М., 2005 - С.38-62

[5] Лоуэнталь Д. Прошлое - чужая страна. - СПб, 2004 г.

[6] Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.- М., 2004 г.

[7] Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб, 1997

[8] «Зерубавель Я. «Динамика коллективной памяти» // Ab imperio . 2004 г. №. 3.

[9] Там же

[10] Там же

[11] Термин введен французским историком польского происхождения Кшиштофом Помьяном

[12] Арнаутова Ю.Е. «MEMORIA: «Тотальный социальный феномен» И объект исследования» В книге: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003, с. 19-37., Арнаутова Ю.Е. Мемориальные аспекты иконографии святого Гангульфа // Одиссей. Человек в истории. - 2002. - М., 2002. - С.53-75., Арнаутова Ю.Е. От меморія к «истории памяти» // Одиссей. Человек в истории. - 2003. - М., 2003. - С.170-198.

[13] Хаттон П.Х. История как искусство памяти - СПб, 2003 г.

[14] Хаттон П.Х. История как искусство памяти - СПб, 2003 г. С. 15

[15] Руткевич «Психоанализ, История, Травмированная память»/Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ С 221-250 М. 2005 г.

[16] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М., 2007.М.

[17] Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память к вопросу о границах понятия» / Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ С 170-220 М. 2005 г.

[18] Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997

[19] История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени /

Под ред. Л.П. Репиной. - М. 2006 г. С. 23

[20] Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: Самара, 2006 г. Чуйкина С. Дворянская память: "бывшие" в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). - СПб, 2006 г. Шилова-Варьяш И.И. Историческая память и конфессия (на материалах испанского средневекового города) // Средневековый город. - Вып.15 - Саратов, 2002 - С.79-86.

[21] Александр Эткинд Столетняя революция: юбилей начала и начало конца «Отечественные записки» 2004, №5 . Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян//Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. Орловски Д. Великая война и российская память// Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб. 1999. С.49-57. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. - М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетия: Сб.ст. - Челябинск, 2004 г.

[22]Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о ВОВ)//Психологический журнал. 2002. № 4. «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005 г

[23] Варьяш О.И. Право и историческая память // От Средних веков к Возрождению. - СПб, 2003. - С.75-81

[24] Диалог мировоззрений: коллективная социально - историческая память и вызовы современности: X Международный симпозиум, 27-29 мая 2009 г., г. Нижний Новгород: [программные и рабочие материалы] / Ред. Дахин Андрей Васильевич; Кол. авт. Волго-Вятская академия государственной службы, Кол. авт. Нижегородское епархиальное управление РПЦ, Кол. авт. Российское Философское общество РАН. - Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2009 г.

[25] Франция - память: Пер. с фр. / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пуимеж и Мишель Винок. - СПб, 1999 г.

[26] Ф.Б. Шенк «Александр Невский в русской культурной памяти»[26] М. 2007 г.

[27] Андерсон Б. «Воображаемые сообщества размышления об истоках и распространении национализма» М. 2001 г.

[28] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. 1998 г.

[29] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Уч. пособие. М., 2005. С.57-58

[30] Там же

[31] Там же

[32] Там же

[33] Там же

[34] Геллнер Э. Нации и национализм. М. 1991.

[35] Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2003

[36] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001.

[37]Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М., 1999 г.

- [38] Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. Москва, 1994.
- [39] Янов А. Россия против России Очерки истории русского национализма 1825-1921. НСБ, 1999.
- [40] А. Янов «Введение в историю русского национализма» // Вестник Московского университета: серия 18, Социология и Политология; 2002 г. №3-6.
- [41] Митрохин Н.А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003.
- [42] Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003 С. 39.
- [43] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Учебное пособие. М., 2005.
- [44] Контент-анализ (англ. content — содержание) метод, выраженный в изучении текстовой и графической информации, с переводом изучаемой информации в количественные показатели и в последующей её статистической обработке. Сущность метода контент-анализа состоит в фиксировании определенных единиц изучаемого текста, а также в квантификации полученных данных.
- [45] Существует два вида контент-анализа (в зависимости от характера представления содержания текста): неколичественный и количественный. Неколичественный к.-а. основан на нечастотной модели содержания текста (фиксируется лишь наличие элемента содержания соответствующей категории содержания; количественные меры не используются). Такой подход позволяет выявить типы качественных моделей содержания (вне зависимости от частоты встречаемости каждого типа). Количественный к.-а. основан на использовании количественных мер, его задача получить количественную структуру содержания текста (в рамках используемой системы категорий анализа).
- [46] Божественная литургия, вечериние, всенощные и акафисты.
- [47] Крещение, миропомазание, причастие, исповедь, елеосвящение, венчание (таинство брака) и священство
- [48] Под святыми в данном контексте понимаются все святые, а также мученики, пророки, апостолы и евангелисты.
- [49] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М., 2007. М. Хальбвакс. Коллективная и историческая память. // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3.
- [50] Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб: Азбука-Классика, 2008 г.
- [51] Рикёр П. История и истина. - СПб, 2002 г. Рикёр П. Время и рассказ.- Т.1: Интрига и исторический рассказ; Т.2: Конфигурации в вымышленном рассказе. СПб, 2000 г. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2000 г.
- [52] Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. - М., 2005 С.38-62.
- [53] Лоуэнталь Д. Прошлое - чужая страна. - СПб, 2004 г.
- [54] Руткевич «Психоанализ, История, Травмированная память»/Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ С 221-250 М. 2005 г.
- [55] Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память к вопросу о границах по-

нения» / Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ С 170-220 М. 2005 г. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997 г.

[56] История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. - М. 2006 г. С. 23.

[57] Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.- М., 2004 г.

[58] Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб, 1997 г.

[59] Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // *Ab imperio* . 2004 г. №3.

[60] Арнаутова Ю.Е. «MEMORIA: «Тотальный социальный феномен» И объект исследования» В книге: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003, с. 19-37., Арнаутова Ю.Е. Мемориальные аспекты иконографии святого Гангульфа // *Одиссей. Человек в истории*. - 2002. - М., 2002. - С.53-75., Арнаутова Ю.Е. От мемория к «истории памяти» // *Одиссей. Человек в истории*. - 2003. - М., 2003. - С.170-198.

[61] Хаттон П.Х. История как искусство памяти - СПб, 2003 г.

[62] Франция - память: Пер. с фр. / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж и Мишель Винок. - СПб, 1999 г.

[63] Андерсон Б. «Воображаемые сообщества размышлений»; 2005, №2-3.я об истоках и распространении национализма» М. 2001 г.

[64] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. 1998 г.

[65] Геллнер Э. Нации и национализм. М. 1991 г.

[66] Янов А. Россия против России Очерки истории русского национализма 1825-1921. НСБ, 1999 г. А. Янов «Введение в историю русского национализма» // *Вестник Московского университета: серия 18, Социология и Политология*; 2002 г. №3-6.

[67] Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. Москва, 1994 г.

Прошлое